

СЕРГЕЙ
ЛУКЬЯНЕНКО

Часть первая

Глава первая

Обычно я на ночь плотно задергиваю шторы. Не люблю, когда лунное кольцо светит в глаза.

Но эта ночь была слишком хорошей. Дождь прошел и кончился к полудню: теплый дождь в последний день марта. Воздух был в самую меру прохладным, так, чтобы можно было всю ночь лежать без одеяла и лишь под утро укрыться. Поэтому я оставил окно распахнутым и лежал, глядя на потолок, где бегали тени от фонарей. С улицы доносились голоса запоздавших прохожих, звуки шагов и проезжающих изредка машин. И разговаривал с Дариной.

— К нам сегодня привезли девочку, — рассказывала она. — Большая уже, четырнадцать лет. Спрыгнула с балкона пятого этажа, вся поломалась.

Я поморщился, спросил:

— Дурында. Из-за несчастной любви, конечно?

— Нет. Чтобы стать Измененной. Мне кажется, ее могли и люди вылечить, позвончик цел. Но родители не выдержали, привезли к нам.

— Такую взрослою?

— Мы берем и в этом возрасте. Если иного выхода нет. А она сказала, что спрыгнет снова или выпьет отраву, если ее не возьмут.

— Взяли?

— Да.

— И... что?

— Пока жива. Дня через два будет ясно, как сработал мутаген.

— А ты уже знаешь, кем она станет?

Дарина помолчала. Эти вопросы Измененные обсуждать не любили.

— Есть потенциал хранителя, — сказала она неохотно, но с затаенной надеждой. — Либо старшая стража, либо хранитель Гнезда.

Я понимал, что это значит. Если девочка изменится и станет хранителем, то Дарина сможет остаться жницей. Мы оба этого хотели. Может быть, потому Гнездо и принял девочку, опасно взрослую для Изменения.

— Пусть ее мечта исполнится, — сказал я.

— Глупая мечта, — вздохнула Дарина. — А знаешь, о чем я мечтаю?

Закрыв глаза, я кивнул. Потом сказал вслух:

— Да.

— Я хочу лежать с тобой, — сказала она. — В твоей кровати. Прижиматься к тебе. Закрывать глаза и уснуть. Проснуться, а ты рядом.

— Нет, меня рядом не будет, — ответил я строго. — Я буду на кухне варить кофе. И принесу его тебе в постель.

Она тихонько рассмеялась.

— Спасибо. Мне никто и никогда не приносил кофе в постель... Спокойной ночи, Максим. Тебе надо спать.

— Тебе тоже.

— Мне это не так часто нужно. Спи, Максим.

Она засопела, очень уютно, словно мы были рядом.

— Сплю, — согласился я.

Дарина отключилась. Я опустил руку с кровати, нашарил телефон и положил трубку на рычаг.

Надо все-таки завести радиотелефон. После Перемены, когда сотовые стали бесполезны, люди с перепугу принялись ставить обычные проводные телефоны. Откуда их столько оказалось-то на складах! Все боялись, а вдруг Инсеки запретят любую радиосвязь, не только мобильники? Но против радиосвязи на близком расстоянии пришельцы ничего не имели.

На самом деле пришелец возле Земли был всего один. Вот только мало кто из людей об этом знал. Я знал, ну так у меня этот месяц выдался очень познавательным...

Тряхнув рукой тумбочку, я разбудил часы. Экран высветил половину первого ночи.

Значит, познавательным был прошлый месяц.

Хорошо, что он кончился. В апреле я буду спать до обеда, гулять с Дариной, искать кристаллы, как порядочный серчер, и, наверное, готовиться поступить в институт. Вести почти обычную человеческую жизнь (гулять с жницей — это не совсем обычно, признаю).

Но спать я точно буду много. Вот прямо сейчас засну и...

В прихожей запищал домофон.

Секунд пять я лежал в слабой надежде, что это какой-нибудь припозднившийся гость ошибся номером квартиры.

Еще секунд пять надеялся, что это случайно позвонивший пьяный или хулиган.

А еще пять секунд быстрым шагом шел к двери, ругаясь себе под нос.

Был еще, конечно, вариант, что ко мне заявился монстр. Однажды ведь уже приходил.

Но монстры в дверь не звонят, нет у них такой привычки. Они ее пытаются выбить.

— Да! — зло выкрикнул я, снимая трубку. Изображение на маленьком экране домофона было довольно четким, на таком расстоянии скорость передачи данных еще позволяла видеосвязь.

На экране шмыгал носом и озирался какой-то мелкий, лет семнадцати, паренек. Он не походил ни на монстра, ни на хулигана. Так, оболтус-старшеклассник, шатающийся по ночам. В его возрасте, сразу после Перемены, я бы ночью на улицу выйти не рискнул, тогда полный бардак творился.

— Это... доброй ночи... — пробормотал парень, пялясь в глазок камеры. — Мне Максим Воронцов нужен.

— Я Максим, — нахмурившись, я разглядывал лицо. Что-то знакомое в нем было.

— Хай, Макс! — парень оживился. — Я свой, серчер. Серега! Сережка с Большой Бронной! Забыл?

Серчеров с Малой и Большой Бронной я знал. Мы с ними не ссорились. Серегу не помнил.

— Сережка с Большой Бронной? — повторил я.

— Мы год назад тусили, — Серега не то обиделся, не то расстроился, что я его не узнал. — У старшего вашего, на днюхе.

Вот теперь я вспомнил. Старший нашей тусовки, Виталий Антонович, прошлым летом отмечал «неюбилей» — ему стукнуло тридцать девять. Старший объявил, что сорок лет не отмечают, но праздника хочется, и устроил празднование под названием «неюбилей» в бильярдном клубе. Были все наши и многие из соседних компаний. Среди них болтался и мелкий дрыщ, которого приятели звали «Сережка с Большой Бронной». Он очень быстро нахлебался пива (к напиткам покрепче его не подпускали), порвал сукно на бильярдном столе и был с позором изгнан. Впрочем, празднование «неюбилея» прошло так бурно, что подвиг Сереги остался одним из самых безобидных.

За последний год Серега явно вырос и окреп, даже голос перестал петушиться.

— Чего тебе? — спросил я.

— Пусти, разговор есть. Тебе сообщение!

Последние слова были сказаны с таким восхищенным придыханием, словно Серегу отловил на улице как минимум президент России и велел сгонять по-быстрому к Максиму Воронцову.

— Ну заходи, — вздохнул я, открывая замок подъезда.

— Ты охраннику скажи, что я свой, он меня уже раз выставил! — обиженно сообщил Серега.

Пришлось позвонить нашему консьержу, Виктору Андричу, бывшему военному, человеку крепкому, не расстающемуся с дубинкой, и после одного происшествия очень не любящему молодых ребят, идущих ко мне в гости.

Пока серчер поднимался, я натянул джинсы, подумал мгновение, но за пистолетом в сейф лезть не стал, взял со столика ключи с брелоком-куботаном и сунул в карман.

На всякий случай.

Впрочем, когда я открыл дверь и выпустил Серегу, даже эта перестраховка показалась мне смешной. Серчер хоть и раздался в плечах, но был почти на голову меня ниже и такой возбужденно-радостный, что подозревать его в злодейских планах не стоило.

— Половина первого, — сказал я и зевнул. — Я рано ложусь.

— Извиняй, — Серега махнул рукой. — Да я сам уже собирался дома быть, опять мамка все мозги проест...

Он с любопытством огляделся, спросил, понизив голос:

— Твоих не разбудим?

— Серега, я не школьник. Я один живу, — ответил я.

Серчер надулся:

— Я тоже не школьник... почти. Короче, я тут кристаллик надыбал, хороший гринк... ну как хороший, неплохой, решил сразу в Комок сбросить...

— На Леонтьевском? — уточнил я.

— Ага.

— Рядом где-то нашел? — поинтересовался я.

Глаза у Сереги забежали. Нашел он кристалл, ясное дело, рядом. На нашей территории. Потому и решил сразу от него избавиться.

— Нет, у нас, на Малой Бронной...

— Забудь, — сказал я. — Ну, нашел, чего дальше?

— Продавец спросил, знаю ли я тебя, — выпалил серчер. — Я, конечно, говорю: «Знаю, бывали вместе!» А он тогда попросил: «Сходи, говорит, к Воронцову домой, передай, чтоб ко мне зашел!»

Да уж, необычно. Продавец чего-то попросил! Понятно, чего Серега такой взбудораженный.

— Что дал за это? — поинтересовался я.

Серега не стал отпираться, очень уж ему хотелось похвастаться.

— Во! — Он бережно достал из кармана джинсов узкий футляр, открыл. Там лежали поисковые очки. С виду обычные зеркалки, только в них кристаллики, за которые у Про-

давца можно купить что угодно (хоть мотоцикл «Харлей Дэвидсон», хоть бриллиантовое кольцо для подруги), сразу видны. На дужке очков был крошечный светодиодный фонарик.

Хорошие очки, дорогие. У меня самого такие.

— Подарил? — заинтересовался я.

— Продал, за гринк. А таблетки, которые я хотел купить, подарил. Они еще дороже стоят.

— Ты бы с таблетками завязывал, — сказал я, хмурясь. Что от меня надо Продавцу? Такого срочного, чтобы послать среди ночи гонца?

— Таблетки не наркота! — оскорбился Серега. — У меня дед — диабетик. Лекарство экспериментальное, восстанавливает поджелудочную, прикинь? Говорят, никакого инсулина больше не надо.

— Молодец, — одобрил я и похлопал Серегу по плечу. — Хороший внук. Ладно, спасибо, я найду в Комок.

— Ты это... ты сейчас иди! — занервничал Серега. — Он сказал — пусть Максим сразу идет!

Это я и так понял, но надо же было держать марку.

— Подумаю, — сказал я.

— Продавец велел передать: у него есть то, что тебе очень нужно! — выпалил Серега и довольно ухмыльнулся.

— Эй, гонец! — Я не удержался и постучал парня по лбу пальцем. — А что еще важное ты забыл передать?

Серега не обиделся, видать, понял, что перегнул.

— Нет, всё.

— Адрес мой Продавец сказал?

— Нет, я в кафешку заглянул, где ваши сидят. Спросил у Виталия Антоновича.

Я вздохнул.

Мы, конечно, теперь с нашим старшим в особых отношениях. Но плохо, что он знает о неожиданном интересе ко мне со стороны Продавца. Лишнее это.

— Ясно. Спасибо, Серега.

— Нельзя с тобой в Комок? — спросил серчер. Понятное дело, ему было до жути интересно.

— Нет, — ответил я. — У меня с Продавцом свои терки!

Сергея и не рассчитывал, конечно, что я его прихвачу с собой. Он и без того был счастлив перепавшим на халяву очкам, да и что рассказывать в компании ему теперь найдется.

— Пойду, — сказал он. — Ты это, сходи сейчас. Продавец все-таки.

Я кивнул, закрыл за ним дверь.

Прислонился к косяку. Постоял. А потом сказал тихонько:

— О, да!

От Продавца мне была «очень нужна» только одна вещь. У них, конечно, можно купить всё, что есть на свете, — статую Венеры Милосской, шапку Мономаха или пригоршню изумрудов.

Но мне-то нужно другое.

Рубашку я надел яркую — сине-желтую «гавайку» чуть больше размером, чем мне нужно. Подумав, набросил подаренный когда-то Продавцом плащ. Во-первых, ему будет приятно, во-вторых — плащ хорошо спрячет кобуру.

Да, времена сейчас стали поспокойнее, но придурков ночами все-таки хватает.

Пару недель назад я на таких наткнулся у самого Комка. Но в тот момент, как я теперь понимаю, во мне проявился пришелец, Высший, разбиравшийся в происходящей на Земле заварушке. Если бы незадачливые грабители этого не почувствовали, им бы пришел конец.

Теперь Высшего не было.

Я сам по себе.

А мне нельзя умирать по-глупому. У меня очень большие планы на эту жизнь.

Ночь и впрямь стояла хорошая. Я дошел до памятника Тимирязеву, насчитав по пути десятка два одиноких прохожих и несколько больших компаний. Люди просто гуляли, шли из гостей и ресторанов. Доносился смех, взбудораженные алкоголем, но не агрессивные голоса. Прошла целая

группа китайских туристов, фотографирующих ночные улицы. Гид что-то певуче им рассказывал. Центр, даже после полуночи народ гуляет...

Над головой сияло лунное кольцо. Наш бедный спутник, разваленный Инсеком на фрагменты, вращался вокруг планеты в виде пояса астероидов. Среди мелких и крупных обломков плыл угловатый осколок — Селена, самый большой кусок прежней Луны. Где-то на нем было место посадки «Аполлона-11», но американцы утверждали, что в процессе разрушения Луны историческое место было утрачено. Не знаю, как так вышло, если с Земли смотреть — так все кратеры на месте, поверхность казалась не сильно поврежденной. Селена походит на широченный конус, вырезанный в Луне поворотом исполинского лезвия и навечно обращенный к Земле основанием.

Со спутников снимали обратную сторону Селены. Там неровным багровым шаром светится остывающее ядро, расползшееся, раскинувшее застывшие каменные острия. Красно и жутко.

А еще где-то там космический корабль Инсека.

Я на нем был.

Жаль, что ничего не видел, кроме одного-единственного коридора и полудохлого пришельца...

Шел я по Тверскому бульвару, идти тут всего ничего, и минут через десять собрался завернуть перед МХАТом в Шведский тупик.

Тут меня и окликнули с бульвара — в очень знакомой манере:

— Друг мой, друг мой юный, дорогой!

Я остановился и увидел спешащего ко мне от памятника Есенину человека, одновременно нелепого и трогательного. Андрей, литературный бомж, кочующий между памятниками поэтам, оделся по погоде и даже с некоторым шиком: почти чистые бермуды, яркая рубаша с закатанными рукавами, повязанный вокруг шеи пестрый платок. Немного портило впечатление то, что он был босиком и что ему стоило бы постричься с год назад.

Но поэтам и душевнобольным такие мелочи простибельны.

— В городе вялом и старом — лица молодого лезвие! — воскликнул бомж. — Словно в дурмане пьяном слово услышать трезвое!

— Здравствуйте, Андрей, — сказал я. — Как ваши дела?

— Дела? Дела? — забормотал бомж, озираясь. — Говорить ты хочешь об этом? Какие дела могут быть у голоса мертвых поэтов?

— С лутом хорошо? — терпеливо спросил я.

Андрей потряс головой, будто выбрасывая из нее рифмы-паразиты. Сказал уже спокойнее:

— С лутом хорошо, без лута плохо. А как у вас дела, добрый друг мой?

— Всё в порядке, — ответил я. — Надо заглянуть в Комок.

— Не люблю Продавцов, — вздохнул Андрей.

— Именно Продавцов, не Инсеков? — полюбопытствовал я.

— Всё это договор, договор зверей окраски разной*, — бомж хихикнул. — Пойду я к Сереже, посижу до утра, почиताю ему... А вы приходите на новоселье! Там, дальше по бульварам! К Володе я пойду, к Высоцкому. Пил он еще больше Есенина, но надрыв у него другой, деятельный. Да, деятельный у него надрыв! А Сережу я не выдерживаю, всего-то день с ним провел — в глазах черная жуть! Но надо, надо и его навещать!

Он побрел обратно к памятнику, недовольно отмахнувшись от бибикнувшей и притормозившей машины.

А я покачал головой и двинулся дальше.

У Комка стояли две девушки, мрачно-суровые, в джинсах и рубашках мужского кроя. На меня они глянули настороженно и оценивающе. Подергали дверь, пошептались, потом с явным недоумением отошли. Комок выглядел... ну, как Комок. Бесформенная масса размером с двухэтажный дом, упавшая когда-то с неба и застывшая. Зато

* С. Есенин. «Страна негодяев».